

Мочалова Н.Ю.

МЕНТАЛЬНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКОЙ ФИЛОСОФИИ В ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ КУЛЬТУРЫ

В статье рассматриваются ментальные характеристики русской религиозной философской мысли. Раскрываются метафизические ценности национальной философии в ее историко-культурном развитии.

Ключевые слова: соборность, всеединство, русский дух, миссионерство, свободная теософия.

Mochalova N.Yu.

MENTAL CHARACTERISTICS OF RUSSIAN PHILOSOPHY IN THE HISTORICAL MEMORY OF CULTURE

The article considers the mental characteristics of Russian religious philosophical thought. Metaphysical values of national philosophy in its historical and cultural development are revealed.

Key words: conciliarity, unity, Russian spirit, missionary work, free theosophy.

Русская философия всегда имманентно ощущала свою ответственность за историческую судьбу народа, веря в спасительную силу не столько разума, сколько веры. Слитность философской рефлексии с эмоционально-чувственным основанием ментальности создает прочную основу бытия человека верующего. Философ служит своему народу, воспринимая это служение не как кару, крест, но как миссию, просветляющую смутное существование безверия. Поиск общих аксиологических оснований для «цельного знания» (В.С. Соловьев) обращает русскую философскую традицию к истокам русской ментальности, бережного отношения к исторической памяти русского человека, подпитывающей его настоящее.

В основе многих философских учений лежала идея о мессианской роли русского народа, его культурной и религиозной самобытности и исключительности. Имперские претензии на миссионерство укрепляли славянофилы, сохраняя только за православием право на ведущую роль для мировой цивилизации. Отсюда и восторженная риторика А. С. Хомякова, К. С. Аксакова, И. В. Киреевского о «русском духе» и его бесконечном влиянии на весь мир. Безусловно, А. Хомяков как ведущий теоретик направления пытался обосновать идею избранности православия и русского народа как его выразителя, пусть и весьма спорно, важны сами претензии на лидирующее просветление мира. Неумение и нежелание устанавливать диалог с

западными учеными поставили русскую общественную мысль в отношении контрарности, разрушая слабую линию возможного диалога. В результате этого неприятия важные методологические установки русской философии остались непринятыми мировым сообществом.

Обратимся к ним. Важно значение философских идей, обобщающих духовные искания всего народа, как основы его самобытности и общего основания для всех наук. Русская философия никогда не признавала противоречия между религиозными истинами и философскими идеями, рассудочным началом и духовным опытом, связуя воедино религиозную жизнь и светскую философию. А. Хомяков понимает религиозность, или совокупность верований предельно широко. Вера в широком смысле есть неотъемлемый компонент духовной жизни человека. Она лежит глубже того, что на современном языке называется идеологией или мировоззрением. Особенности веры, по А. Хомякову, заключают в себе тайну бытия личности или народа, определяют глубинное содержание жизни, мотивы и характер деятельности. Вера является концентрированным выражением духа жизни народа [3, с.31].

Но современное просвещение не должно доминировать над религиозной жизнью, наоборот, призвано углублять соборное начало. Рациональное теоретическое знание традиционно в исторической памяти русской культуры отодвинуто религиозной интуитивной верой. Л. Шестов, последовательно отстаивая традиции антиинтеллектуализма, доказывал противоположность и несовместность веры и разума: «Вне наших общих принципов, помимо нашего осознющего разума протекают наиболее замечательные и значительные события нашего существования. Можно сильнее сказать. ... От всякой попытки прикоснуться щупальцами к вере – вера гибнет. Она может жить лишь в атмосфере безумия. Она не делится своей властью ни с кем. И вопрос ставится именно так: либо разум, либо вера» [4, с. 259, 270].

Ключевой методологический принцип соборности опирается на духовную общность народа как «единства во множественности», некое коллективное бессознательное, безусловное начало, объединяющее народ как целое. Русская православная церковь обосновывала это единство на протяжении всей истории ее развития, видя в соборности не конечный результат рационально-теоретических усилий человека, а итог духовных сокровенных исканий людей. И это духовное единение гораздо прочнее рационально избранных индивидуальных мотивов. Всякий раз соборность воспроизводится между «своими, в церковной ограде» как важное «чувство сердца» культовыми действиями, церковными обрядами как таинство посвященных. Повторяющиеся культовые действия вырабатывают традицию поведения, алгоритм действий, незаменимый умоглядным изучением веры. Важно живое единение в личном переживании схожих с другими чувств, тяга к единству с ними.

Русская философская мысль создала своеобразный концепт «единичного и общего» в социальном контексте. Великая личность в истории – представитель народного духа, ей выпала великая участь выразить чаяния всего народа. Вне объективного анализа исторических реалий философы усматривали некий постоянный набор идеальных качеств как неизменную сущность русского народа. Эта идеализация стала характерной для всех философских концептов русских мыслителей; если Н. Бердяев настаивал на противоречивом единстве исключаящих характеристик «сентиментальность и звериная жестокость», «чуткость и невежество», «широта души и духовное скопидомство», то и оно выглядело как уникальное соединение богатых по своей проявленности духовных потенций широкой русской души, открытой для всех возможных реакций. Сиюминутная искренность, первозданность реакций воспринималась ими как настоящая ценность в противоположность искусственным рассудочным действиям народов западной цивилизации. Однако, сомнительное превосходство.

К этой позиции близки и идеи о мировом лидерстве России как органически естественной государственности, сумевшей сохранить основы соборности и духовного единства народа в противоположность западным народам, предавшим забвению единство в угоду эгоизму отдельных индивидов.

Обвинения в меркантильности не позволили объективно оценить безусловные положительные стороны западной культуры.

Именно общинное устройство русской жизни определило особый путь русского народа в историческом развитии. Русский сход, общинный строй жизни являл идеал общественного бытия для русского человека. Философы усматривали в жизнедеятельности общины гармоничное сочетание личностных и общественных интересов, воспроизводимые из поколения в поколение чувства честности, альтруизма, преданности и патриотизма. В этой идеализации жизнедеятельности русской общины как наилучшей формы социальной организации жизни проявляет себя не свободный сознательный выбор отдельного человека, сколько интуитивно воспроизводимая традиция, «дикий обычай» предков.

Общинное устройство жизни призвано заменить «мерзость административности в России», укрепить дух соборности в российском обществе и стать ведущим принципом социальных отношений – «самоотречение каждого в пользу всех». Этих сторонников протокоммунистических отношений «по-русски» вовсе не смущало наличие уродливых крепостнических отношений в недавнем прошлом. Аура просветленного народного общинного начала исходит из врат церкви, соединяя воедино социальные и религиозные стремления людей.

Соловьевская идея «всеединства» проясняет онтологические основания бытия: все едино в мире, все едино в Боге. Познание, по Соловьеву, происходит на основании идеи как формы существования цельной мысли. Идея

не является продуктом мышления, ибо сознание не способно проникнуть в идею, «схватить» ее существо. Идея может быть схвачена интеллектуальной интуицией или открыться интеллектуальному созерцанию. Но ни отвлеченное мышление, ни интеллектуальная интуиция не могут дать объективного знания всего богатства реальности. Для проникновения в сокровенные глубины бытия необходима особая познавательная способность трансцендентного индивида – способность к прорыву в сферу запредельного, потустороннего, трансцендентного. В. Соловьев называет это состояние эросом, экстазом, вдохновением [1].

«Мировая душа», «космический разум», «идеи», «божественный ум», «органическая сила», «душа мира» – категории объективно-идеалистической философии, заимствованных частью из неоплатонизма, частью из немецкой философии отстаивают прочную зависимость личного начала от особой организующей силы сверхличного существа. Все элементарные сущности, отдельные атомы, эманации (В. Соловьев) зависят от мировой души. Невозможно представить себе русскую философию в субъективно-идеалистическом облике. Дух свободного субъективного творчества скован рамками высшей духовной сущности, подчинен ей и определим в своих начинаниях ее устремлениями. Свобода личности проявляет себя в свободном воплощении воли сверхличного начала. Только через такое понимание реализуется концепция «богочеловечества». С. Франк видит в философии субъективизма эгоизм и атеизм, который должен быть преодолен более высокой логикой отношения к действительности – логикой вручения своей судьбы в руки Бога: «Я перестаяю быть «Я», моя мысль перестает быть моей мыслью, непостижимым актом, отказываясь от самоутверждения «Я»=«Я». Как раньше греховная самосуть ставила себя на место Бога, так теперь с помощью божьей Я ставлю на место себя бога» [2, с. 68].

Если исключить откровенный мистицизм антиинтеллектуализма русской религиозной мысли, то мы сохраним важное напутствие мыслителей о полноте духовного знания, превышающего концептуальную рациональность и эмпирическую достоверность. Однобокость любой ветви познавательного процесса искажает цельную картину мироздания, лишая познающего веры в истинность имеющейся информации.

Список литературы

1. Соловьев В. С. Сочинения: В 2 т. Серия «Философское наследие». – М., 1988. – Т. 1 – 260 с.
2. Франк С. Смысл жизни / С. Л. Франк. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2004.- 157, [3] с. - (Философия. Психология).
3. Хомяков А. С. Записки о всемирной истории. Оппозиция иранизма и кушитства – архетип бытия. Соч.: В 2 т. – М., 1994. Т.1. С. 20-781.
4. Шестов Л. *Sola fidei* – Только верую.– Париж, «Умса-Press», 1966. – 294 с.